

тель кафедры новой и новейшей истории доцент, кандидат исторических наук Кирьяков Юрий Сергеевич. Он работает с группой студентов, которые изучают историю Югославии, как и в период второй мировой, так и события последнего балканского кризиса.

Ю. Ю. Пажит

СИСТЕМА ГУЛАГА НКВД СССР (ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ)

Необходимость изучения советской пенитенциарной системы не нуждается в обосновании. Именно здесь в наибольшей степени проявились все механизмы тоталитарного режима. И дело здесь не столько в существовании самих учреждений, ибо таковые имеются в любом государстве, но в изучении и понимании той роли, которую они сыграли в народном хозяйстве страны и в судьбах миллионов людей. Показательно и то, что именно ГУЛАГ стал символом сложившегося в стране после 1917 года тоталитарного режима, символом террора и унижения человеческого достоинства. Совершенно очевидно, что подобная система не могла возникнуть сама по себе, а явилась результатом проводимой пенитенциарной политики.

Долгое время о лагерях говорить было не принято и даже опасно, а закрытость источниковой базы способствовала тому, что на современном этапе проблема изучения функционирования лагерей относится к наименее изученной. Этому способствует и медленное рассекречивание архивов (даже сейчас данные о статистике, структуре и кадрах исправительно-трудовых учреждений военного времени почти недоступны для исследователей; остается закрытой и нормативная база деятельности лагерей).

Начало складыванию историографической традиции истории советской пенитенциарной системы положили не труды зарубежных авторов и историков-эмигрантов, но работников карательных ведомств молодой республики. В начале 1920-х годов выходят работы К. Х. Данилевского и Е. Ширвиндта, где впервые упоминаются концентрационные лагеря, приводятся данные по количеству заключенных и их классификация.

В это же время на Западе появляются публикации воспоминаний первых узников лагерей. В 1924 году в Берлине вышла работа С. П. Мельгунова, в основу которой легли свидетельства очевидцев. Уже годом позже в Англии была издана книга С. А. Мальсагова, в которой автор дал подробное описание, как самого лагеря, так и условий труда и быта его узников. Отдельная глава была посвящена разнообразию применяемых пыток и произволу лагерной администрации по отношению к заключенным. Его работа вызвала международный скандал.

Чтобы нейтрализовать просочившиеся на Запад сведения о советских концлагерях в первой половине 1930-х гг. были изданы работы И. Л. Авербаха и Б. Утевского, в которых теоретически обосновывалась концепция перевоспитания трудом, а также было дано идеологическое и экономическое обоснование увеличения роли принудительного труда. Вплоть до конца 1980-х гг. эти данные были единственными, опубликованными в СССР.

1930-е – 40-е гг. в западной историографии были периодом накопления материала по данной проблеме. Признанная сегодня классической совместная книга Д. Д. Даллина и Б. Н. Николаевского содержит сведения о количестве заключенных), горы называют цифру в 15 миллионов человек), а также данные о численности лагерей, этапах их создания. Исследователями также предпринята попытка осмысления понятия «принудительный труд».

О роли ГУЛАГа в хозяйстве страны повествует работа американского историка Р. Конквеста. Автор отмечает, что использование принудительного труда воспринималось как нормальный компонент функционирования экономики страны, более того, лагеря изолировали от народа всех потенциальных противников советской власти. Таким образом, они были выгодны не только экономически, но и политически.

К эмигрантской историографии примыкает исследование Б. Яковлева «Концентрационные лагеря СССР», где содержится ретроспективный анализ истории создания и функционирования лагерей, составлен их алфавитный список, а также дано описание отдельных лагерей. Автор уделяет внимание законодательному обеспечению репрессивной политики. Хронологически работа охватывает период с 1918 по 1954 г.

Одним из наиболее крупных произведений, оказавших влияние не только на зарубежную, но и на отечественную историографию, по праву считается историко-публицистическое исследование А. И. Солженицына. В нем нашло отражение осуждение государственной политики советской власти, начиная с 1917 года. Однако произведение это во многом спорное и противоречивое, не совсем можно согласиться. Ряд положений «Архипелага» опровергается документами, воспоминаниями бывших заключенных и даже участниками описываемых событий. В целом можно отметить безупречную художественную форму произведения и то, что сам А. И. Солженицын дал трехтомнику многозначительный заголовок «Опыт художественного исследования», а поэтому нелегко и просто неудобно разграничивать «исследовательское» и «художественное» в его «Архипелаге».

Что касается работ отечественных историков, то после длительного перерыва в изучении истории пенитенциарной системы во второй половине 1980-х гг. начинают появляться первые работы, посвященные данной проблематике. Ведущее место здесь занимают статьи В. Н. Земского. Впервые была сделана попытка окончательно выяснить численный состав лагерного контингента ГУЛАГа. Подобные попытки были предприняты и другими исследователями. В. В. Цаплиным на общероссийском материале подготовлена статья, посвященная количеству заключенных в предвоенные годы. Полученные результаты в работах принципиально различны. Сегодня в исторической науке данные о числе заключенных варьируются от 2,5 до 20 млн. человек. Дискутируется и вопрос о том, насколько можно доверять документам.

Информацию о местонахождении объектов ГУЛАГа можно найти в работах В. Н. Комиссарова и С. Романова. Последний, в частности, составил карту ГУЛАГа в масштабах СССР, включив в нее 1472 лагерных подразделения. Эта информация органически дополняется материалами справочника по исправительно-трудовым учреждениям, изданного в рамках общества «Мемориал». Помимо сведений о дислокации лагерей и их административном подчинении здесь содержатся сведения о штатной и реальной численности заключенных, характере

и объеме производственной деятельности, кадровом составе лагерной администрации, а также, по возможности, о местонахождении их архивов.

Собственно истории создания лагерей посвящены публикации А. И. Кокурина и Н. В. Петрова, в основе которых лежат архивные документы, приказы, директивы НКВД, постановления ЦК ВКП (б) об организации лагерей. Авторы отмечают, что уже в 1918 году Наркомат юстиции были сформулированы основные принципы пенитенциарной политики.

Л. С. Трус исследует социальный аспект принудительного трудоустройства контингентов НКВД. В своей работе автор анализирует качество принудительного труда и особенности лагерной психологии, акцентируя внимание на том, что лагерная система воспитала новый тип человека. И этот «новый» генотип, по словам Л. С. Труса, приобрел устойчивый психологический комплекс. Назвал он его «комплексом ГУЛАГа», черты которого (отвращение к труду, безхозяйственность, эгоизм, подозрительность) присущи и современному поколению.

Об экономических аспектах функционирования лагерной системы повествует О. В. Хлевнюк, прослеживая эволюцию системы принудительного труда с конца 1920-х до начала 40-х гг. Исследователь обращает внимание на то, что экономика принудительного труда была одной из существенных опор сталинской системы. Определяя общий удельный вес экономики НКВД в народном хозяйстве, автор считает необходимым оговориться, что речь может идти лишь о приблизительной оценке, ибо достаточно сложно выявить все области эксплуатации принудительного труда, а тяжелые условия и нереальные планы обусловили многочисленные приписки, ложные отчеты и т.д.

На сходной позиции стоит Н. Б. Бугай, говоря, что принудительный труд приносил мало пользы экономике страны, т.к. оставался трудом без творческого созидательного начала, но в условиях существовавшего тоталитарного режима этот дешевый труд рассматривался как единственная возможность латания дыр в экономике.

Наиболее полное освещение тема получила на региональном уровне. Во-первых, это объясняется близостью источников, максимальным использованием материалов из государственных и ведомственных архивов, во-вторых, это возможность респондирования современников тех событий, что позволяет увидеть ситуацию изнутри, в-третьих, это возможность обмена научным опытом посредством конференций и реализации совместных проектов. Этому также способствует складывание ряда научных центров по изучению истории репрессий. Публикации, посвященные данной тематике, вышли в Москве, Санкт-Петербурге, Рязани, Сыктывкаре, Воркуте, Кемерово, Челябинске, Н. Тагиле, Екатеринбурге, Перми и во многих других городах и регионах страны.

В Сибирском регионе активно работают историки Кемерово, Новосибирска, Томска. Монография Л. И. Гвоздковой посвящена эволюции сталинских лагерей на территории Кузбасса. Автор приводит анализ численности лагерного контингента, его категории, исследует роль хозяйственной деятельности кузбасских лагерей в выполнении государственных планов в различных сферах экономики края. Сделана попытка изучения воздействия лагерного образа жизни на физическое и духовное состояние человека.

В ряду работ по истории принудительного труда существенное место занимают исследования, связанные с уральским ГУЛАГом. Одной из первых этой проблемы на примере депортированных советских немцев коснулась Н. В. Бибарсова. Автор уделяет большое внимание материально-бытовому положению трудмобилизованных и показывает масштабы использования их в промышленности региона.

Дальнейшее освещение тема принудительного трудоустройства советских немцев и других категорий спецпереселенцев получила в ряде работ В. М. Кириллова, Г. Я. Маламуда, В. П. Мотревича, А. Б. Суслова. Данную проблему затрагивают в своих исследованиях Н. А. Вашкау, Е. А. Шефер. В. П. Мотревич классифицирует спецпереселенчество как колоссальный резерв дешевой рабочей силы, необходимой для развития производительных сил северных и восточных регионов страны. Побег же из спецпоселений были объективно обусловлены характером общественных взаимоотношений между официальной властью и спецпереселенцами и крайне тяжелыми условиями жизни последних. Автор приводит статистику НКВД, согласно которой из числа бежавших задерживалось 93%.

Данной точке зрения созвучна позиция А. Б. Суслова, который исследует механизмы принуждения к труду на уровне Пермской области. Он акцентирует внимание на том, что эти механизмы на практике срабатывали далеко не так эффективно, основным же стимулом к труду был голод. Фундаментальным исследованием явилась диссертация Г. Я. Маламуда, в которой исследуется процесс вовлечения в систему принудительного труда заключенных, спецпереселенцев, трудмобилизованных. Автором определены сходства и различия в условиях содержания и методах принуждения к труду, которые были предусмотрены различным правовым статусом категорий рабочей силы. Г. Я. Маламуд приходит к выводу, что использование контингентов НКВД было вполне органично для существовавшей экономической системы, направленной на наращивание производства любой ценой.

Узкие территориальные рамки работы В. М. Кириллова позволили ему глубоко осветить историю репрессий 1920-50-х гг. На материалах Северного Урала показаны условия жизни и труда репрессированных. В монографии раскрыты особенности функционирования крупной лагерной системы, составлена карта ИТЛ региона. Несомненным достоинством работы является то, что автором разработана методика сбора и обработки материала, в основе которой лежит создание специализированных электронных баз данных.

Институциональным аспектам посвящена монография А. С. Смыкалина, которая представляет ретроспективный анализ системы исправительно-трудовых учреждений СССР с 1917 до конца 1950-х годов. В основу работы легли материалы Центрального архива ФСБ РФ, а также ведомственных архивов ФСБ и архивов УВД по республикам и областям Урала. Многие из данных материалов впервые вводятся в научный оборот. Монографию отличает глубокое изучение нормативной базы деятельности советской пенитенциарной системы.

Анализ работ зарубежных и отечественных исследователей показывает, что для западной историографии в целом характерен высокий уровень осмысления истории и практики репрессий в СССР, сущности террора и системы концлагерей. Однако отсутствие доступа к архивным документам обусловило неточно-

сти и субъективные оценки в исследованиях. Последовательное же осуждение социалистической системы и использования принудительного труда и сегодня находит отражение в трудах зарубежных историков. Что касается отечественной историографии, то постепенно с открытием архивов в конце 1980-х гг. появляются работы, посвященные непосредственно функционированию пенитенциарной системы 1920-х – начала 50-х гг. Среди историков много разногласий относительно различных аспектов деятельности лагерной системы, что, видимо, обусловлено сложностью исследуемого периода.

Наиболее полно данная проблема раскрыта на уровне регионов. Здесь значительное место занимают работы уральских ученых, в которых с различных позиций и на основе разных источников раскрыты практически все стороны функционирования системы ИТЛ в регионе. Накопление информации о принудительном трудеиспользовании позволило поставить вопрос о социальных и психологических аспектах данного явления.

Е. С. Булдакова

БРАЧНАЯ ПОЛИТИКА ЯРОСЛАВА МУДРОГО В ИСТОЧНИКАХ

Могучему древнерусскому государству принадлежала в XI веке очень видное место в сложной системе центрально- и западноевропейских политических взаимоотношениях. Рост политических контактов происходил на фоне развивающихся экономических связей Руси со странами Западной и Центральной Европы, о чем свидетельствует многочисленный нумизматический материал. Свидетельство политической активности Руси на Западе являются многочисленные династические браки между киевской великокняжеской семьей и европейскими государями. Древнерусские князья находились в теснейших связях с католическими странами – Польшей, Германией, Венгрией, Чехией, скандинавскими королевствами, Францией. Почти всякий международный политический союз в средние века сопровождался заключением брачно-родственных связей. Едва ли найдется труд по истории Древней Руси, автор которого не украсил бы свое сочинение колоритным списком иностранных браков потомства киевского князя Ярослава Мудрого (1019-1054).

Одним из первых внешнеполитических шагов Ярослава еще в пору борьбы его за киевский престол со Святополком стал союз со шведским королем Олавом Шетконунгом (около 995 – около 1020) и датским – Кнудом (1018-1035). Одним из источников является «Хроника архиепископов Гамбургской церкви», принадлежащая перу Адама Бременского. А также значительное число древнескандинавских источников: «История о древних норвежских королях» монаха Теодрика, «Обзор саг о норвежских конунгах», «Круг Земной» Снорри Стурмсона, «Красивая кожа», «Гнилая кожа».

О взаимоотношениях Ярослава с Византийской империей узнаем от знаменитого хрониста, современника тех событий Михаила Пселла.

О брачной политике Ярослава Мудрого с католическими странами читаем в «Хронике» уже знакомого Адама Бременского в схолии к повествованию о